

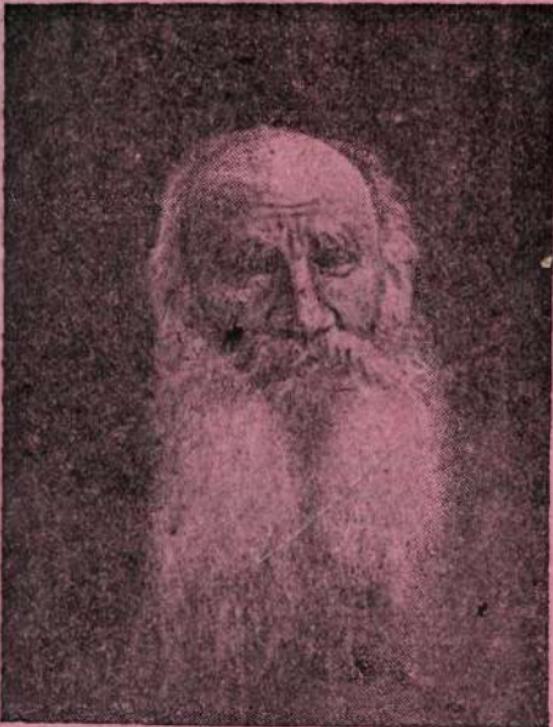
Графъ Л. Н. Толстой.

ОТЪ МІРА

ВЪ МИРЪ.

1919.
Толстовский
музей

№
84а

84

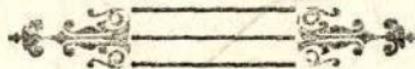
или

95 ½

Графъ Л. Н. Толстой.

ОТЪ МИРА - =

= ВЪ МИРЪ.

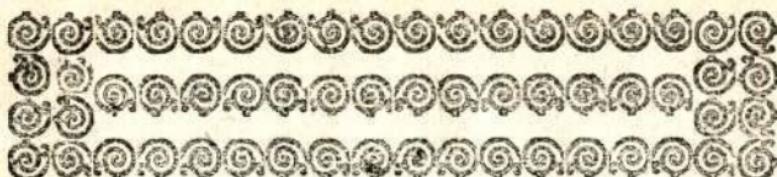

.58

Книгоиздательство МАКСИМОВА.

Москва, Лубянская пл., уг. Мясницкой ул., д. Дух. Консистор.
Телефонъ 131-18.

84

Отъ міра—въ миръ.

Долгіе, уже долгіе годы во всѣхъ краахъ земли съ благоговѣніемъ произносятъ имя великаго старца..

Есть у него послѣдователи, есть поклонники до самозабвенія, есть и лютые, злобные врачи... Но ни тѣ, ни другіе не дерзали подходить къ нему съ обычной, общечеловѣческой мѣркой.

Это казалось страшнымъ, невозможнымъ...

И лишь только для обитателей Ясной Поляны не было великаго старца.

Для нихъ было просто:

Милый, родной человѣкъ, съ которыми десяти лѣтъ изо дnia въ днія жили, обычными, будничными мелочами, такъ крѣпко спавающими людьми,

Милый, реднай Левъ Николаевичъ.

Пусть волзы огромаго народнаго горя, терзай мысли, религіозныхъ исканій стремителюно кататся къ тому, о комъ пoетъ изъ народа сказалъ:

„Солнце ты и другу и врагу!“

Пусть... У воротъ Ясной Поляны буйныя волны разбивались объ огромный несокрушимый молъ.

Моломъ этимъ было такъ-называемое „попеченіе любящей семьи“, все то, чѣмъ близкіе окружаютъ послѣдніе дни своего главы, своего... будемъ откровенны... кормильца...

Цѣлый міръ и день, и ночь стучался въ ворота Ясной Поляны, въ безысходномъ горѣ своемъ не думая о томъ, что онъ нарушаетъ покой великаго, уже готовящагося отойти къ Отцу старца, омрачаетъ его закатныя минуты.

Противъ этого бурнаго написка встала семья и зорко стояла настражъ.

— Посторонитесь! Вы намъ заслоняете солнце! — кричали изъ міра.

— Пожалѣйте! — отвѣтчила семья. — Вѣдь мы люди и не можемъ принести вамъ въ жертву то, что дадъ наскъ дороже всей вселенной...

И каждая изъ сторонъ была права по своему.

А разсудилъ ихъ — онъ, старецъ.

И совершилось чудесное преображеніе.

Левъ Николаевичъ Толстой всталъ во всемъ своемъ могучемъ, необъятномъ величіи...

Въ письмѣ своемъ Л. Н. трогательно прощается со своими семейными, говорить, что, какъ истый христіанинъ, долженъ жить въ марѣ, и заявляетъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не веряется.

Нѣтъ болѣе отца, мужа, брата, друга...

А есть только онъ единственный, въ послѣдній безповоротномъ рѣшеніи семью во-

плотившій великий идеалъ христіанства, родной и близкій именно „русскому племени“.

Какой красивый конецъ великой жизни!

Л. Н. пишетъ, что онъ уходитъ отъ міра—
въ миръ...

Нѣтъ! Отъ тихаго уюта семьи, отъ тишины
родного угла,—отъ міра—онъ ушелъ къ не-
оглядному, огромному морю,—къ міру, ко-
всѣмъ, къ вселеній...

Гдѣ бы онъ теперь ни былъ,—онъ будеть
намимъ „мірскимъ“.

P. Y.

Бѣгство Л. Н. Толстого.

Неожиданное исчезновение Л. Н. Толстого
изъ Ясной Поляны, глубоко изволновавшее всѣ
слои русского общества, среди московскихъ
толстовцевъ, какъ это ни странно, не вызвало
особыхъ тревогъ. Намъ пришлось бесѣдоватъ
съ нѣкоторыми представителями московской
толстовской колоніи. Особенно интереснымъ
представляется разговоръ съ виднымъ толстов-
цемъ, стоящимъ во главѣ крупнаго книго-
издательства, издающаго преимущественно
произведенія Л. Н. Толстого и книги, посвя-
щенные идеямъ послѣдняго.

— Я совершенно спокоенъ,—замѣтилъ членъ
нашъ собесѣдникъ,—за дорогого Льва Нико-

лаевича. Уехалъ онъ съ такимъ преданнымъ ему человѣкомъ, какъ докторъ Маковецкій, который глубоко любить Л. Н. Нужно предположить, что докторъ Маковецкій и рѣшился сопровождать писателя исключительно потому, что не желалъ его ни на одну минуту оставить одного. Тревожиться и опасаться, что съ Л. Н. можетъ что-нибудь случиться въ пути или на новомъ мѣстѣ, поэтому пѣть никакихъ основаній. Вѣдь нельзя было поручиться, что чего-либо не случится съ Л. Н. и дома, въ Ясной Полянѣ. Вѣдь нельзя забывать, что великому писателю—83 года. Вотъ еще недавно, вѣсколько недѣль тому назадъ сильнѣе чутъ не умеръ отъ сильнаго приступа старческой болѣзни. Нужно быть во всякомъ случаѣ увѣреннымъ, что докторъ Маковецкій премѣтъ всѣ мѣры къ тому, чтобы жизнь дорогого старца и на новомъ мѣстѣ протекала въ спокойной, благопріятной и уютной обстановкѣ.

Близкими друзьями нашего великаго учителя возможность его скончательнаго отѣзда изъ Ясной Поляны давно уже ожидалась. Неоднократно обѣ этомъ Л. Н. говорилъ съ ними въ интимныхъ бесѣдахъ. Ничего непредвидѣнаго въ его неожиданномъ отѣздѣ не было и кое для кого изъ членовъ семьи. Еще двѣ недѣли тому назадъ писатель совсѣмъ уже, было, собрался подинуть Ясную Поляну, но благодаря усилиямъ и просыбамъ семьи, онъ остался, отложивъ втайне выполненіе своего неподолебимаго рѣшенія до болѣе благопріятнаго момента. За самые послѣдаю дни накопились очевидно новые факты въ Ясно-Полян-

ской жизни, которые и ускорили втотъ монентъ. Причины, заставившія Л. Н. разстаться съ Ясной Поляной, ставшей благодѣрь его пребыванію въ ней настоящей Меккой для культурнаго человѣчества, представляются крайне сложными, и къ нимъ садуетъ подходить весьма осторожно, такъ какъ они затрагиваютъ очень ужъ интимныя стороны въ личной жизни писателя.

Очень разнообразны эти причины. Съ одной стороны, нужно считаться съ душевнымъ моральнымъ настроениемъ Л. Н., который никогда не хотѣлъ примириться съ мыслью, что онъ до конца дней своихъ будетъ жить затворникомъ въ глухи, въ Ясной Поляй, въ одиночествѣ, далеко отъ настоящей подлинной жизни. Потребность быть въ гуще „быта“, среди людей, среди сѣрой массы, въ которой Л. Н. стремился всегда всеми своими помыслами, эта потребность ни на минуту за послѣдніе годы не умирала въ его чуткой душѣ. Естественно, что желаніе „уйти въ жизнь“ встрѣчало вѣкоторую оппозицію среди членовъ семьи, которые, волнуясь и беспокоясь за здоровье писателя, считали невозможнымъ жизнь Л. Н. въ семье. А между тѣмъ, тѣ внутреннія противорѣчія, какія существовали между взглядами Л. Н. на жизнь и вѣшними рамками его личной жизни, усиливали душевную драму великаго писателя, принося ему не мало мучительныхъ часовъ и страданій. Эти вѣшнія рамки сложились такъ неблагопріятно для моральнаго самочувствія писателя, домашнія условія настолько обо-

стрились за самое послѣднее время въ связи съ крупными событиями въ жизни Л. Н., что ни для кого изъ близкихъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что рано или поздно онъ рѣшился на какой-либо определенный шагъ, который долженъ будетъ дать ему иные, болѣе близкія его моральными требованиямиъ условіяличнаго существованія. И вотъ онъ рѣшился.

— Трудно предположить, чтобы Л. Н. уѣхалъ особенно далеко, въ какую-либо толстовскую или близкую ему по духу сектантскую колонію. Скорѣе всего нужно думать, что онъ спрятался въ мѣсто, гдѣ все же имѣются ему лица близкія и родныя и гдѣ онъ одновременно сможетъ ближе соприкасаться съ подлинной жизнью. Во всякомъ случаѣ мѣсто это не такъ далеко и должно быть гдѣ-нибудь близко къ Ясной Полянѣ. Вернется ли онъ назадъ, сказать трудно. Скорѣе всего думаю, что онъ не вернется. Если даже въ общемъ смыслѣ вся эта исторія уладится, то это еще не значить, что Л. Н. поселится вновь въ Ясной Полянѣ. Его дальнѣйшая жизнь, и увѣренъ, будетъ протекать въ новыхъ условіяхъ, къ вторымъ уже должна будетъ приспособиться семья, если она и не пожелаетъ оставить писателя. Поступивъ такъ, такъ какъ иначе ему поступить было трудно, Л. Н. далеко не поддался случайной вспышкѣ, продукту мимолетнаго настроенія. Рѣшеніе долго вынашивалось въ душѣ, причины, вызвавшія его, настолько тяжелы для Л. Н., что вернуться снова къ прежней жизни въ исключительныхъ барскихъ условіяхъ, мучительныхъ для сознанія Л. Н., не представляется для него возможнымъ.

— Событие это огромной величины. Это великий символъ, великая легенда. Въ этомъ нужно видѣть не простой реальный случай обиходнаго характера, а красивый подвигъ,— желаніе великаго мудреца освободить свой духъ отъ стѣснительной оболочки матеріальныхъ удобствъ, отъ условной обстановки, противной простой и посвященной мыслямъ о Богѣ и о совершенствѣ личной жизни. Нужно, чтобы печать, которая будетъ освѣщать это событие въ жизни дорогого писателя, подошла бы серьезно и глубоко сдержанно къ этому факту. Изъ уваженія къ писателю слѣдуетъ щадить тѣ тонкія интимныя струны, которыя еще дрожатъ и волвутся въ даний исторіи. Не слѣдуетъ особенно копаться во всемъ томъ личномъ, что скрываютъ за собой бѣлые стѣны ясиополянского особняка. Во имя любви къ Л. Н. нужно избѣгнуть недостойнаго тона и скандалеазной сенсації, которую создадутъ несомнѣнно бульварныя газеты. Кромѣ того не слѣдуетъ давать пищи для хулиганской прессы, которая и безъ того будетъ выливать ушаты грязи на сѣдую драгоценную голову великаго старца, своимъ нечистымъ дыханіемъ прикоснется къ его свѣтлому имени, къ его чистому образу. Передъ нами фактъ большого душевнаго человѣческаго подвига, и нужно передъ нимъ съ уважають преклоняться, оставивъ личное—личному и беря изъ этого подвига только то, что въ немъ есть благороднаго, человѣчнаго.

У. Р.

С. Р.

Необыкновенный случай.

По имеющимся въ Москвѣ свѣдѣніямъ, отъ-
ѣздъ Л. Н. Толстого изъ Ясной Поляны яв-
ляется не совершенно неожиданнымъ для близ-
кихъ великому писателю лицъ. И послѣднія
его поѣздки въ Коренево и въ Кочеты
имѣли основаніемъ то же чувство Л. Н., вле-
кущее его къ уединенію. Его близкіе увѣрены,
что здоровью великаго писателя ничто не
угрожаетъ въ виду совмѣстной поѣздки съ
нимъ врача Д. П. Маковецкаго,—не только
врача, но и преданнаго друга. Относительно
обстановки, въ которой сейчасъ придется жить
Л. Н., близкіе также успокаиваютъ, что она
гарантируетъ ему и покой, и преданный
уходъ. Мѣсто, избранное Л. Н. для житель-
ства, известно было по выѣздѣ изъ Ясной
Поляны только ему и его спутнику.

Объясненія близкихъ къ Л. Н. лицъ о при-
чинѣ оставленія имъ Ясной Поляны не содер-
жать въ себѣ ничего, что было бы непонят-
нымъ или неожиданнымъ. Извѣстно, что Л. Н.
много лѣтъ тяготится несоответствиемъ его
жизни въ Ясной Полянѣ съ его учениемъ и
желаніями. Въ послѣднее время, какъ увѣря-
ютъ, чувство неудовлетворенія обострилось
вследствіе нѣсколькихъ новыхъ фактовъ, и по-
слѣдствіемъ явилось его послѣднее рѣшеніе.
Какъ теперь приходится сообщить, недавнія
его поѣздки и въ Коренево, и въ Кочеты были

по существу попытками съ его стороны изъять, по возможности, условия жизни, что однако не принесло ему удовлетворенія. Обо всемъ этомъ Л. Н. не любилъ говорить, и объ его тяжелыхъ переживанияхъ друзьямъ приходилось самимъ дѣлать печальные заключенія.

Въ письмѣ, которое оставилъ, покидая яснополинскій домъ, Л. Н. Толстой, онъ довольно подробно мотивируетъ свой поступокъ. Великий писатель пишетъ, что тяжело ему жить въ обстановкѣ роскоши, что противенье съ мѣдью жизни здѣсь всѣмъ его убѣжденіямъ, что мечтаеть онъ о жизни другой, мечтаеть давно, съ тѣхъ поръ, какъ принялъ извѣстный образъ мыслей. Л. Н. пишетъ дающе, что уходить онъ изъ этой жизни мірской, какъ некоторые уходятъ въ монастырь, и просить не беспокоиться о немъ и не безчюкнуть его, потому что решеніе, имъ принятое, безповоротно, онъ не вернется.

Для близко знающихъ Л. Н. Толстого послѣднее его рѣшеніе не явилось большою неожиданностью. Однако самыи моментъ явился очень неожиданнымъ.

Конечно, всѣ теряются въ догадкахъ о причинахъ отѣзда Л. Н. Нѣкоторые объясняютъ его желаніемъ уйти отъ разныхъ недоразумѣній и разногласій въ личной семейной жизни, другие видятъ въ этомъ поступкѣ стремленіе устранить противорѣчіе между обстановкой его жизни и его взглядами и убѣжденіями. Но близкіе и притомъ недавно видѣвшіе Л. Н. люди уверяютъ, что неурядицы семейной жизни если и играли какую-нибудь роль въ этомъ

желания великаго старца отрѣшиться отъ жизни, въ его стремлениі къ „затворничеству“, то совершило второстепенную. Онь не могли побудить его уѣхать изъ Ясной Поляны тайкомъ, ни съѣхъ изъ своихъ не простились, и скрыть мѣсто, куда онъ направляется. Главную же причину близкаго люди видѣть въ той огромной душевной работѣ, которая въ послѣднее время въ немъ происходила, въ глубокомъ внутреннемъ переломѣ, который въ немъ, по ихъ наблюденію, совершился. Л. Н. Толстой, по словамъ близкихъ ему лицъ, этимъ лѣтомъ былъ совершенно неузнаваемъ. Онь, видимо, весь цѣлкомъ ушелъ въ какую-то глубокую внутреннюю работу, обдумывалъ, предпринималъ какое-то огромной важности рѣшеніе въ своей жизни. Л. Н. имѣть такой же видъ, какъ въ прежнее время, когда онъ обдумывалъ, „вынашивалъ“ какое-нибудь изъ своихъ ироничныхъ произведений, только еще болѣе серьезное и сосредоточенное. Онь до такой степени былъ погруженъ въ самого себя, въ свои мысли, что нарушилъ даже течеіе разъ навсегда установленнаго распорядка своего дня, отъ которого, какъ говорить кн. Н. А. Волконскій, до сихъ поръ никогда не отступалъ. Онь измѣнилъ даже свои старыя привычки. Говорить, Л. Н. tagотился своей семейной обстановкой и семейными несогласіями. Но, по его словамъ, его еще болѣе удручало это постоянное обращеніе къ нему со всѣхъ концовъ міра съ просыбами о помощи, о совѣтѣ и т. д., — эти назойливыя просьбы совершило незнакомыхъ ему людей.

Онъ весь погрузился въ созерцаніе, въ подготовленіе къ переходу въ другую, вѣчную жизнь, въ которую онъ, какъ искреній дѣистъ, глубоко вѣрить. Въ своемъ теперешнемъ настроеніи Л. Н. уже не придавалъ жизненнымъ условіямъ съ ихъ огорченіями и радостями никакого значенія, смотрѣть на эти горести и радости, какъ на ничтожныя мелочи. Но онъ прекрасно видѣть и понимать, что эти мелочи страшно огорчаютъ близкихъ ему людей, заставляютъ много страдать и волноваться, и поэтому не считать себя въ правѣ на нихъ не отзываться; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрывали его отъ глубокой задачи, отъ глубокаго внутренняго процесса, который въ немъ совершился. Онъ мышала ему достойнымъ по его представлению образомъ готовиться къ близкой смерти и къ будущей жизни. Онъ считать вужнымъ подготовить себя къ тому, что бы встрѣтить смерть съ радостью, не только умомъ, но и чувствомъ. Обычная обстановка въ Ясной Полянѣ мышала ему сосредоточиться на этой самой существенной, по его мнѣнію, задачѣ переживаемаго момента. Она постоянно отвлекала его вниманіе, разбивала его мысли. Поэтому онъ, по всей вѣроятности, рѣшилъ съ ней разстаться. Близкіе къ Л. Н. люди вспоминаютъ, что въ критические моменты своей жизни онъ не разъ поступалъ совершино такимъ же образомъ и раньше. Такъ еще въ юности онъ тайкомъ отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ уѣхалъ на Кавказъ и выпустилъ свое „Дѣство и отрочество“, относительно автора которого его родные довольно

долго терялись въ догадкахъ. То же самое повторялъ Л. Н. и передъ тѣмъ, какъ написать книгу „Въ чёмъ моя вѣра“, когда онъ съ однамъ изъ своихъ друзей тоже безъ вѣдома своей семьи уѣхалъ въ Оптину пустынь. Поэтому близкіе Л. Н. люди разчтываютъ и надѣются, что и теперь онъ недолго останется въ своемъ затворничествѣ.

P. B.

Ушедшій отъ мірской суеты.

Шумная жизнь Ясной Поляны съ ея безпрерывными визитами корреспондентовъ, паломниковъ, была не по душѣ тому, кто одной изъ главныхъ цѣлей своей жизни поставилъ личное самосовершенствованіе, самонаблюденіе, самоанализъ.

А для этого требуется счастіе уединенія, блаженство тишины.

Будда, Конфуцій и другіе величайшіе друзья тоскующаго о правдѣ и солидѣ жизни человѣчества, уходили въ тропические непроходимые лѣса, въ уединеніе раскаленной пустыни,

чтобы тамъ, вдали отъ поплого шума и суеты, пестрой, кричащей жизни вестя таинственнымъ бесѣды съ своимъ безсмертнымъ духомъ и великимъ Духомъ вселенной.

Цивилизација съ ея желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами почти исключаетъ возможность для современного учителя свѣтлой любви къ ближнему удалиться отъ міра такъ, чтобы міръ о немъ ничего не знать и не слышать.

Но если русскому Саки-Муни нельзя безраздѣльно погрузиться въ царство самоизблюденія и созерцательной нирваны, то можно создать сравнительно безматежный уютъ, необходимый для его парящихъ къ небу на орлиныхъ крыльяхъ великихъ мыслей.

Великий философъ, великий учитель морали долженъ стоять выше личныхъ семейныхъ привязанностей.

Личные семейные привязанности всегда искажаютъ величественный образъ тѣхъ учителей правды, которые проповѣдуютъ отреченіе отъ семьи и другихъ общественныхъ институтовъ во имя служенія безконечной любви, разлитой по всей вселенной.

Припомните величавый отвѣтъ Христа, когда его спросили о матери и братьяхъ. Припомните отреченіе Будды отъ земныхъ радостей жизни, отказавшагося отъ царского престола, отъ яртаго счастія съ любимой женой, отъ радостей дружбы и бѣжавшаго въ пустынью,

куда немолчно призывалъ его величайшій голосъ
всемлюбящаго сердца и свѣтлого разума.

Въ тиши уединенія еще сильнѣе будеть
работать его свѣтлый умъ, еще великолѣпнѣе
сверкаетъ драгоцѣнными рубинами его несрав-
ненное творчество...

Все великое и прекрасное рождается въ
уединеніи.

У. Р.

Левъ Николаевичъ

скончался въ 6 ч. 5 м. утра 7 Ноября
въ Астаповѣ.